

ЕГОР
ФУКС

АНЕКДОТЫ
КНЯЗЯ
ИТАЛИЙСКОГО,
ГРАФА СУВОРОВА
РЫМНИКСКОГО

RUGRAM

Москва
2025

УДК 355/359
ББК 68.4
Ф94

Фукс Е.Б.

Ф94 Анекдоты Князя Италийского, Графа Суворова Рымникского — М. : RUGRAM, 2025. — 130 с.

ISBN 978-5-517-13483-7

«Князь Александр Васильевич любил все русское, внушал любовь к родине и повторял нередко: «Горжусь, что я россиянин!» ...«Люблю их, — говорил он по переходе чрез Альпийские горы, — с сими чудо-богатырями наделал я вихри, с ними прилетел от Рымника сюда». Потом, обратясь к войску, продолжал: «Штыки, быстрота, внезапность — вот наши вожди.»? «Венцом всей его похвалы была: «он честный человек и до самой своей смерти будет всегда жить!». ...Так он однажды, узнав, что один из его генералов погиб, храбро сражаясь с врагами, сказал: «Тот, кто умирает в поле чести, не умирает никогда, потому что его имя вечно живет в сердцах его товарищей и потомков».»

«Однажды в Турецкую кампанию все полученные от Екатерины награды, знаки отличия наклеил он в мешок; выходит, согнувшись, неся оный на плечах, и кричит всем ожидающим наград: «Ах! Помилуй Бог! Как тяжела ноша. Так-то и нам тяжело было». Вдруг раскрывает мешок, вынимает знаки отличия, украшает ими и восклицает: «Нет! Легко бремя, когда Матушка так нас, детей Своих, милует и лелеет». «Ура!» раздавалось по всем рядам.».

УДК 355/359
ББК 68.4
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13483-7

© RUGRAM, оформление, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ДРУГУ.....	7
АНЕКДОТЫ О СУВОРОВЕ.....	16
КРАТКОЕ ОБОЗРЕНИЕ ПОДВИГОВ СУВОРОВА В СЕМИЛЕТНЮЮ ВОЙНУ	80
ПОДВИГИ СУВОРОВА В ПОЛЬСКУЮ КОНФЕДЕРАЦИЮ	90

С тем, чтобы по напечатании, до выпуска из типографии, представлены были в Главный Цензурный Комитет семь экземпляров сей книги для препровождения куда следует, на основании узаконений. С.-Петербург, ноября 16 дня 1827 года.

Цензор Александр Красовский

ДРУГУ

Вот вам, любезнейший и почтеннейший друг, *анекдоты* мои о *Суворове*. Многие писал я еще при жизни его; многие растерял в походах; многими, о которых вспомнил, пополнил недостающие. Боюсь, что, может быть, забыл поместить какой-нибудь достопамятный, который лучше всех этих ознаменовал бы и душу и ум его. Но если вспомню, то присоединю непременно. Исполнив обет, данный моему великому благодетелю, кончив «Историю Российско-Австрийской кампании», я теперь отдыхаю и пишу, что вспомню. Чувствую, и вы со мною согласитесь, что все, разбросанные в анекдотах сих черты, не составляют еще полного, похожего его портрета. Все великие полководцы, древнейших и новейших веков, имели свои особенности, без которых не отличались бы от толпы; но они следовали светским приличиям. Наш же как будто выпрыгнул из сей сферы и представляет собою необыкновенное, единственное явление и на военном поприще, где он непобедим, и в кабинете своем, где непостижим. Румянцевых, Кутузовых, Тюреней и других мы знаем, ибо они действовали, обращались с людьми людски, говорили нашим языком; тонкости и тайны их раскрылись. Но Суворов, по словам Клинтона, остается иероглифом и в потомстве. Спросите всех оставшихся еще в живых стариков, которые знали его лично, и вы услышите суждения об нем противоречащие: одни будут его возно-

сильно до небес; другие же, а особливо видевшие его однажды, находили его человеком расстроенного рассудка. Не сердитесь на последних: я в начале принадлежал к их числу. Признаюсь, что первое мое свидание с ним произвело во мне впечатление весьма невыгодное. Меня представил генерал от инфантерии А. Г. Розенберг. Суворов выбежал в рубашке, утирая лицо тряпицей. «Кто это такой?» — спросил он его. Тот отвечал: «Это Статский Советник Фукс». — «Ах, помилуй Бог, какой ты худощавый, тебе надобно со мною ездить верхом». Вот для меня новая забота! От роду верхом я не ездил. После спросил опять Розенберга: «А этот кто?» Ответ: «Статский советник Башловский». — «Ах, как ты толст, — сказал он ему, — я к тебе залезу в брюхо погреться, когда озябну». Такое вступление в новое знакомство мне очень не понравилось, и я ушел от его обеда. За столом спрашивал он, куда девался худощавый бригадир, и ему отвечали, что занемог коликкою. От многих старался я узнавать о первых впечатлениях, которые производил его прием; и все согласовались с моими чувствами. Чтобы и вы со мною согласились, позвольте мне вас ему представить. Переселимся мысленно в век его и сыграем комедию; но невымышленную. Зная вас, ваше воспитание, вашу образованность, ваше уважение к вельможам, вы бы, конечно, пожелали увидеть того знаменитого Россиянина, героя всех веков прошедших и будущих. Вы, может быть, невольно приготовились бы сказать ему что-нибудь лестное; но вдруг, где вы? В избе или простой горнице; старик в солдатской куртке или в рубашке, без докладов выбегает, обнимает вас, начинает вам рассказывать странности, небылицы, прыгает, вертится, делает вам вопросы, ни с чем несообразные. Вы трепещете, чтобы не про-

говориться, не попасть в немогузнайки; и кто же этот чудак? Суворов! Наверно сказали бы вы мне то же, что один добрый и достойный приятель мой, которого я уговорил представиться ему и которому он сказал, увидя большой его нос: «Поцеловал бы тебя в губы, но нос мешает». Приятель мой сим оскорбился и сказал мне с досадою: «Что вам вздумалось привести меня в дом сумасшедших». Хотел было тотчас уйти. Так и лейб-медик Вейкарт после первого приема хотел немедленно возвратиться в Петербург. И он обиделся отзывом Суворова, что Наум, его фельдшер, первый врач в Европе. А так как у Вейкарта выговор немецкий ему не понравился, то велел ему говорить по-русски и отвечать даже на этом языке, если бы Суворов, забывшись, стал с ним говорить по-немецки. Вейкарт с трудностью изъяснялся по-русски. Подивитесь же теперь! Приятель мой сделался в продолжение времени преданнейшим человеком Суворова; а Вейкарта застаю я в Вильне на коленях пред Распятием молящегося с пролитием слез. Я испугался и спросил его, не получил ли он из Петербурга неприятных о семействе своем известий? «Нет, — отвечал он, — вижу, что медицина наша ограничена; я прибегаю и молю всех благ Подателя, да вразумит меня исцелить нашего отца», — так все окружавшие его после первых тяжких испытаний делались его приверженцами. Что подумали бы вы на сей аудиенции, увидя генералиссимуса, то подбегающего к вам, то отбегающего, начинающего в одном углу делать сравнение древних греков с римлянами; вдруг слышите вы рассказы о бывшей пляске в Боровицком уезде; отсюда переход к Римнику, повествование о сражении, которого вы не понимаете. Но довольно: вы устали; выходите из сего сумбурного мира и спрашиваете

те меня: где же Суворов? Он в своем кабинете: там все, что вы видели и слышали здесь, прекращается. Там однажды я некстати расшутился, и он мне сказал: «Зачем не сберег ты лучшие эти материалы для стола? Теперь пора рабочая». Там диктует он диспозицию к сражению, взвешивает в уме своем силы неприятельские, назначает позиции своим войскам, предписывает им действия новые, чертит сам планы или поправляет ошибки искуснейших своих генерал-квартирмейстеров, Шателера и Цаха, которые за то не сердятся, но изумляются и благодарят его. Румянцевы, Конде, Тюрены и весь ареопаг великих полководцев, кажется, в нем воскресают. Это не лесть: неумолкающий гром шестидесяти победоносных сражений возвещает то вселенной! Вы увидели бы редкий феномен: человека в двух лицах; переменили бы прежнее одностороннее свое об нем суждение и умолкли. Но после сего молчания угадываю уже ваш вопрос: «Зачем же такому великому мужу показываться чудаком?» Вот этого-то вопроса я и трепетал. Скажу вам, что знаю; наперед чувствую, что не удовлетворю вполне вашему любопытству. Старики рассказывали мне, что он начал так странничать с полковничьего чина, когда с полком своим осадил и взял приступом монастырь. Нам остается только удивляться, как чрез столь долгое время, под конец жизни своей, носил он сию личину странностей! Он, по-видимому, не хотел сложить ее с себя, чтобы не перестать быть Суворовым. Расскажу вам, что мне говорил на этот счет один престарелый, тридцатипятилетний спутник Суворова. Вот его слова: «Он решился быть единственным, ни на кого не походить. Для сего пробежал он прежде обширное поле истории всех веков; вы видите, с каким вниманием читает, слушает, твердит